

Чу Юй, раздражённо нахмурив брови, уже собирался выплюнуть то, что у него во рту, и ударить обидчика, как вдруг его подхватили за бёдра и подняли в воздух. Неожиданный подъём заставил его вцепиться в единственное, что он мог схватить, — шею Сун Цзиньчэня.

Его посадили на узкий подоконник, который едва позволял уместиться половине ягодиц. Когда с него стянули джинсы, жёсткий шов оставил на коже несколько болезненных царапин. Затем предмет, который он держал во рту, был извлечён и разорван. Сун Цзиньчэнь прижался лбом к его лбу, тяжело дыша, словно голодный хищник, готовый поглотить свою добычу одним лишь дыханием.

— Ты... — твёрдый кончик члена с силой прошёлся по его промежности, и Чу Юй, испугавшись, попытался отодвинуться, но отступать было некуда. — Ты с ума сошёл! Ты ведь пришёл сюда ради того директора Цзи! Что ты делаешь! Ты совсем охренел, Сун Цзиньчэнь!

Смазка на презервативе облегчила проникновение. Чу Юй запрокинул голову, издавая долгий стон, затылок ударился о стекло окна. Ощущение постепенного заполнения было настолько приятным, что казалось, будто он возносится на небеса. Его бёдра лежали на локтях мужчины, а трусы болтались на лодыжках. Сун Цзиньчэнь, опираясь на стекло, быстро и резко входил в него, затем полностью вынимал, и Чу Юй дрожал от удовольствия, его разжатое отверстие выпускало небольшие струйки жидкости.

Юноша был весь в поту, шея промокла, тонкая светлая ткань рубашки обрисовывала контуры ключиц. Его грудь быстро вздымалась, губы дрожали, он судорожно вдыхал воздух.

— Что это... так холодно... — он морщился, непроизвольно сжимаясь внутри. Ощущение было прохладным, словно внутри него оказалась мятная конфета. Презерватив был охлаждённым, а смазка содержала ментол — это был самый нелюбимый тип, потому и оставался в ящике стола. Сун Цзиньчэнь тоже не особо любил такой, но лучше это, чем ничего — на всякий случай, если вдруг эта малая штучка действительно сможет родить, это станет огромной проблемой.

Волосы Чу Юя полностью промокли, несколько прядей чёрных волос прилипли к лицу, и его нахмуренное выражение выглядело особенно сексуально.

— Чу Юй, — Сун Цзиньчэнь тоже тяжело дышал, его низкий голос звучал как рёв. Он одной рукой держал лицо юноши, касаясь того места, где когда-то чудесным образом появилась маленькая ямочка. — Улыбнись ещё раз.

Но как бы Сун Цзиньчэнь ни уговаривал или принуждал, Чу Юй так и не улыбнулся снова, пока его ноги не опустили на ковёр. Его ступни были белыми — такими, какими они становятся, когда их никогда не выставляют на солнце. Вся эта нежность кожи должна была принадлежать тому, кого кто-то любил и лелеял.

— Ты сделал это нарочно. — Чу Юй соскользнул с подоконника, едва стоя на ногах, и опустил на колени. Сун Цзиньчэнь попытался его подхватить, но тот оттолкнул его. — Ты всё заранее продумал, да?

Сун Цзиньчэнь молчал, его спокойный взгляд был устремлён на макушку Чу Юя, словно он был в замешательстве или просто хранил молчание.

— Мне не хватает денег, но не ума. Ты думаешь, я не понимаю, что происходит? — Чу Юй поднял лицо, покачиваясь, почти падая. Его прямой нос с лёгким изгибом был покрыт потом, кончик носа блестел. — Я просто завидую...

Он завидовал тому, что есть у других, но нет у него. Завидовал тому, что он считал даром небес, но что другим доставалось легко, и они даже не ценили это.

— Смешно, да?

Сун Цзиньчэнь по-прежнему молчал, что только подчёркивало, насколько бессмысленным был этот всплеск эмоций у Чу Юя. На самом деле, даже он сам чувствовал, что это было глупо, но он не мог удержаться.

— Ладно, — Чу Юй поднялся, надел трусы, затем подобрал джинсы и сел, чтобы их надеть. Его движения были странными, словно он кокетничал, как самая низкопробная проститутка. — Давай деньги, не говори, что у тебя нет наличных. Мне нужно немного, только чтобы доехать отсюда до города.

Когда Сун Цзиньчэнь вернулся, отец и дочь Цзи уже ждали его в столовой.

— А где тот парень? — мисс Цзи выглянула из-за спины Сун Цзиньчэня, но не увидела того худощавого силуэта.

Сун Цзиньчэнь не выразил никаких эмоций и не ответил, на его виске виднелась слабая пульсация вен. Мистер Цзи тоже выглядел недовольным, бросив дочери сердитый взгляд, и все трое молча отправились ужинать.

Изначально он хотел использовать этого наглого парня, чтобы отбиться от назойливого внимания, но, выйдя из машины, Сун Цзиньчэнь почувствовал желание показать другим, что рядом с ним есть такой живой и энергичный человек. Молодая и красивая мисс Цзи не была чем-то особенным, но Чу Юй воспринял это как намеренное унижение.

Сун Цзиньчэнь сделал глоток красного вина и вдруг почувствовал, что еда потеряла вкус.

Ну и ладно.

Когда Чу Юй добрался до автомойки, уже смеркалось.

Он шёл странной походкой, но, к счастью, никого не было вокруг, так что он мог позволить

себе быть ещё более странным. Он не знал, что за хрень устроил этот старый козёл, но теперь, сделав пару шагов, он чувствовал, как снизу его охватывает прохлада, от которой он дрожал.

Хозяин и его семья уже ушли домой, и, открыв ключом склад, Чу Юй столкнулся с облаком пыли. Он разозлился, подумав, что, если бы он смог переехать сюда раньше, он бы уже прибрался и обустроил уютное гнёздышко, а теперь приходилось голодным есть пыль.

В туалете он осторожно вытерся влажными салфетками, холод заставлял его шипеть от дискомфорта. Закончив, он почувствовал себя немного лучше и, пройдя на склад, отправился на переднюю часть здания в поисках еды. Включив свет, он нашёл несколько булочек среди беспорядка и запил их холодной водой из кулера.

Надувной матрас лежал без простыни, и кожа немного прилипла к нему. Чу Юй лёг, положив голову на руку, и через окно в потолке увидел яркую луну. Рядом с его локтём лежал телефон, из которого доносилась хриплая, но притягательная женская голос, устало напевающая:

«Если бы было „если“, всё равно бы так жили, не могу без тебя, не могу без себя, память сотрётся, но сердце станет яснее, даже если встреча — это начало расставания».

У Чу Юя было меланхоличное, почти детское лицо, и эта лёгкая грусть была тем, что делало его особенно привлекательным. С тех пор как он бросил школу в четырнадцать лет, множество девушек влюблялись в его жёсткость, когда он бил кулаками, или в то, как он сидел в углу кабинки, напевая медленные, грустные песни. Чу Юй любил старые классические вещи, любил Мо Вэньвэй, любил Линь Илянь, иногда любил Фэй Ван, но Фэй Ван была слишком свободной и бесстрашной, и, слушая её, он всё больше чувствовал себя жалким, поэтому не решался открыто проявлять свою любовь к ней.

Он мало читал, пел красиво, но не особо понимал смысл песен, зная только, что все они о любви, которая не сложилась. Он не понимал, почему в головах этих людей не было ничего, кроме любви. Неужели в жизни, кроме романтики, нечего больше ценить?

— Чёрт, — он поднял руку, лежащую на животе, и прикрыл глаза. — К чёрту всё это, ничего особенного.

Теперь он понял, откуда берётся та горечь и боль, о которых пелось в песнях.

Утром, проснувшись, Сун Цзиньчэнь любил открывать шторы, чтобы первые лучи солнца разгоняли мрак в комнате. Затем он стоял у окна, молча рассматривая далёкие горы и реки, словно лев, осматривающий свои владения и планирующий, куда расширить границы сегодня.

В такие моменты свет часто будил Чу Юя, который, завернувшись в одеяло, переворачивался на другой бок, и тонкое шёлковое одеяло сползало, обнажая его медово-белое плечо и спину, очертания его тела, напоминающие пейзаж, который будто создан для того, чтобы пробуждать желание.

— Чу... — Сун Цзиньчэнь обернулся, но на кровати лежало только пустое одеяло.

Радио, будившее школьников, прозвучало дважды, и Чу Хуань, закутавшись в одеяло, пошевелился, когда кто-то мягко толкнул его.

— Чу Хуань, пора вставать, скоро уроки.

Чу Хуань выбрался из-под одеяла, провёл рукой по всклоченным волосам, потёр глаза и сел, надевая очки.

Он жил в общежитии уже почти месяц, и сначала ему было нелегко привыкнуть к звонку будильника — раньше его всегда будил старший брат. Он переехал в общежитие позже, и в его классе уже не было свободных мест. В общежитии для старшеклассников освободилось место, и Чу Хуань поселился там.

В школе разница в классе ощущалась как разница в мировоззрении, старшеклассники всегда были на вершине пищевой цепи. Сначала он немного боялся и не мог привыкнуть, или думал, что соседи по комнате будут придирааться, но, к счастью, старостой оказался старшеклассник, с которым он однажды пересекался, помогая учителю проверять работы, и он быстро влился в коллектив.

— Вот, завтрак. — Староста Тан Цюгэ, который только что разбудил его, был спортсменом и каждое утро вставал на час раньше, чтобы тренироваться, и всегда приносил Чу Хуаню завтрак.

<http://bllate.org/book/15448/1370461>